

УДК 1751

Бабаева Ольга Кукаевна

канд. филол. наук, доцент

Московский университет им. А.С. Грибоедова

г. Москва

DOI 10.21661/r-561998

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ
«СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ» ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация: в статье анализируются два перевода стихотворения В. Маяковского «Себе, любимому», выполненных Патрисией Блейк и Андреем Кнеллером. В работе поставлена цель выявить особенности данных переводов, определить какие переводческие приемы позволили воспроизвести произведение на другом языке. Для достижения цели работы используются методы семантико-стилистического и сопоставительного анализов. Исследование показало, что для достижения коммуникативной и художественной эквивалентности авторы переводов используют лексические, синтаксические, грамматические трансформации и другие переводческие приемы.

Ключевые слова: смысловое развитие, прием компенсации, грамматическая трансформация, лексико-грамматическая трансформация, генерализация, конкретизация.

Каждый язык – это определенная картина мира, отражение особого, зачастую отличного от других мировидения. Художественное произведение является отражением мировоззрения автора, индивидуальной картины мира. Как правило, такого рода тексты богаты разнообразными средствами художественной выразительности, что представляет особую сложность для переводчика, поэтому и говорят об искусстве перевода.

В поэтическом произведении автор стремится выразить себя, свои мысли и чувства, и поделиться ими с читателем. Различные средства создания особой ме-

лодики стихов, такие как ритм и рифма, всевозможные образные средства способствуют высокой смысловой концентрации. Перед переводчиком стоит задача передать эмоциональный посыл автора, сохранив мелодику произведения, по возможности передать его образность средствами языка перевода. Л.С. Бархударов отмечал, что в поэзии изобразительно-выразительные средства «целиком и полностью носят языковой характер и неразрывным образом связаны с системой не только языка вообще, но именно данного конкретного языка со всей присущей ему и только ему спецификой» [1, с. 38]. Перевод поэтических произведений в отличие от других видов перевода допускает некоторую свободу, так как особая организация поэтических текстов, их жесткая структурированность, эмоционально-смысловая концентрация не всегда позволяют найти прямые соответствия.

Как известно, В.В. Маяковский, является новатором в поэзии. Особая ритмическая организация стиха (лесенка), отказ от традиционной рифмы, авторские неологизмы, особые формы глаголов, разговорный стиль и т. д., эти особенности его творчества представляют собой достаточно сложный материал для перевода.

В статье рассматриваются два перевода стихотворения В.В. Маяковского «Себе, любимому», выполненные Патрисией Блейк и Андреем Кнеллером [3].

Цель работы: выявить особенности данных переводов, определить какие переводческие приемы позволили воспроизвести произведение на другом языке. Для достижения цели работы используются методы семантико-стилистического и сопоставительного анализов.

В 1916 году в возрасте 25 лет Владимир Маяковский пишет стихотворение под названием «Себе любимому». Первая строфа стихотворения начинается с цитаты из Библии. Такое обращение поднимает тональность произведения, по контрасту с нарочитой разговорностью всего остального текста произведения. Все произведение это разговор с собой, монолог. Риторические вопросы, которые то и дело герой ставит себе, придают исповедальность произведению. Лирический герой одинок, он ищет свою любовь и не находит человека, равного себе по силе и огромности чувств.

Четыре.

Тяжелые, как удар.
 «Кесарево кесарю – богу богово».
 А такому,
 как я,
 ткнуться куда?
 Где мне уготовано логово?

Перевод Патрисии Блейк назван по первой строке, переведенной почти дословно с лексическим добавлением. «Четыре./Тяжелые как удар. *Four words, heavy as a blow*». У Патрисии Блейк вторая строка, цитата из Библии связывается с первой пунктуационно, через двоеточие. В оригинале такая связь отсутствует. “*Four words, heavy as a blow: "...unto Caesar... unto god..."*”. В переводе Андрея Кнеллера в начальной строке видим полную семантическую замену, так как он приводит полную цитату из Библии:

“*Six.
 As heavy as a blow*”. / “*Render unto God... render unto Caesar...*”.

Разговорное выражение в оригинале «ткнуться куда» Патрисия Блейк перевела эксплицитным «*bury his head*», конкретизируя русское «ткнуться». Выражение «*bury his head*» более выпукло передает желание лирического героя спрятаться, найти укрытие и в тоже время, компенсирует более нейтральное слово *shelter* в следующей строке, уступающее в эмоциональной нагрузке лексеме «логово». Перевод Кнеллера “*But where is someone/like me/to go?*” недостаточно эмоционален в отличие от оригинала. Использование синонимов «*refuge or shelter*» также не прибавляют экспрессии, однако семантически вполне оправдано.

Если бы я был
 Маленький,
 как океан, –
 на цыпочки волн встал,
 приливом ласкался к луне бы.
 Где любимую найти мне,
 Таковую, как и я?

Такая не уместилась бы в крохотное небо!

Ооксюморон «Маленький, как океан», П. Блейк перевела, добавив определение Great: “If I were as small/as the Great Ocean”, а Кнеллер конкретизирует Pacific ocean и производит семантическую замену «маленький» на «shallow»: “If only I were / shallow, / like the Pacific Ocean”. В строке «на цыпочки волн встал, приливом ласкался к луне бы» вторая часть представляет собой обстоятельство образа действия, в переводе наблюдается грамматическая трансформация. Патрисия Блейк переводит сравнительной конструкцией «woo the moon like the tide», где woo имеет значение «обхаживать, добиваться. Т.е. как прилив добивался бы луны. А. Кнеллер переводит инфинитивной конструкцией: “I’d rise on the tiptoes of waves/to caress the moon with the tide”.

Сравнение «любимую...такую, как и я» Патрисия Блейк переводит лексическим повтором “Where shall I find a beloved, a beloved like me?”, что определенно усиливает эмоциональность выражения и семантически ближе к оригиналу. Менее удачен вариант перевода у Андрея Кнеллера, т.к. он использует несколько техническое слово «proportions», которое выбивается из семантики и тональности стихотворения: “Where shall I find a love/of my own proportions?”. Последняя строка в данной строфе у Блейк переведена приемом смыслового развития: “She would be too big for the tiny sky!”. Не уместилась бы, т.к. была бы слишком велика для крошечного неба. Кнеллер предлагает почти дословный перевод, но лексема miniature несколько сбивает тональность стихотворения: “She’d never fit beneath the miniature sky!”.

О, если б я нищ был!

Как миллиардер!

Что деньги душе?

Ненасытный вор в ней.

Моих желаний разнузданной орде

не хватит золота всех Калифорний.

Строка «О, если б я нищ был!» переводится инфинитивным оборотом у Блейк, у А. Кнеллера с использованием сослагательного наклонения. В обоих

вариантах «poor» снижает экспрессию оригинала: “Oh, to be poor!” (Блейк); “Oh, if only I were poor!” (Кнеллер). Вызывает сомнение конкретизация What’s cash for the soul? у А. Кнеллера. Блейк переводит фразу дословно. Эллиптическая конструкция с инверсией в «Ненасытный вор в ней» у П. Блейк также передается инверсией с добавлением глагола: “In it dwells an insatiable thief”. Кнеллер сохраняет эллипсис оригинала и уподобляет саму душу вору ведомому алчностью: «a thief driven by greed». Эмоциональность в обоих вариантах сохранена таким образом. У обоих переводчиков последняя строка строится в соответствии с порядком слов английского языка. Поэтому мы наблюдаем лексико-грамматическую трансформацию последней строки. Экспрессивность строки: «Моих желаний разнузданной орде» создается тем, что определение находится в постпозиции. Переводчики сохранили такой порядок слов, прибегнув к некоторым добавлениям. Блейк сочетание «разнузданной орде» перевела прилагательным «rapacious» – «грабительский, хищный», недостающую сему она компенсирует лексемой «lusts». Словарь on-line Cambridge dictionary дает такие дефиниции данной лексеме: [U] a very strong sexual desire; [C or U] a very powerful feeling of wanting something: “The gold of all the Californias / will never satisfy the rapacious horde of my lusts”. Можно предположить, что обе семы актуализируются в данной строке, делая русское «моих желаний» более эксплицитным. Кнеллер описывает орды лексемой «ravenous» – «алчный, прожорливый». Здесь же, он добавляет разговорное выражение: I swear. Однако, утилитарное «needs» понижает градус экспрессивности: “The gold of all californias, I swear, / isn’t enough for the ravenous hordes of my needs.”

Если б быть мне косноязычным,

как Данте

или Петрарка!

Душу к одной зажечь!

Стихами велеть истлеть ей!

И слова

и любовь моя -

триумфальная арка:
пышно,
бесследно пройдут сквозь нее
любовницы всех столетий.

В данной строфе сослагательное наклонение оригинала у Блейк передается инфинитивной конструкцией: “Oh, to be tongued-tied/like Dante/or Petrarch!”. А. Кнеллер сохраняет синтаксис оригинала: “Oh, if only I were tongue-tied / like Dante /or Petrarch”!

Далее снова эмоционально-насыщенный эллипсис в «Душу к одной зажечь!», где «бы» опущено. К тому же эмоциональность обозначается и восклицательным знаком. Оба переводчика используют сослагательное наклонение и используют прием генерализации, вместо объекта любви называется само чувство: “I’d kindle my soul for one love alone!” (Блейк); “I’d ignite my soul for a single love!” (Кнеллер).

Строка «Стихами велеть истлеть ей!», на наш взгляд, более удачно переведена у Кнеллера: “And with poetry, I’d set her ablaze!”. Он заменяет лексему оригинала более общим словом «poetry» – поэзией и «set her ablaze» воспламенил бы ее – некое смысловое развитие от «истлеть ей», устанавливающее причинно-следственную связь. Сослагательное наклонение у обоих переводчиков не совсем оправданно, т.к. в оригинале поэт утверждает, что его Любовь есть триумфальная арка, и любовь других ничто, по сравнению с его чувствами: “And if my words/and my love/were a triumphal arch” (Блейк).

О, если б был я
тихий,
как гром, –
ныл бы,
дрожью объял бы земли одряхлевший скит.
Я если всей его мощью
выреву голос огромный, –
кометы заломят горящие руки,

бросаясь вниз с тоски.

В переводе данной строфы Блейк использует в начальной строке инверсию “were I as quiet...”, что придает большую выразительность. Следующая строка потребовала лексико-грамматической трансформации и таким образом переводчик достиг эмоционально-экспрессивной насыщенности оригинала в “and fold earth’s aged hermitage in my shuddering embrace”. «Дрожью объял» превращается в «дрожащие объятия».

А. Кнеллер опустил образ земли -скита и попытался передать описательно “and the earth would tremble, languished”, что определенно не отражает в экспрессивность оригинала.

Особую сложность в переводе вызывает глагол «выреву» так как в английском языке нет соответствующих глагольных форм. Переводчикам здесь приходится прибегнуть к экспликации, развернутому описанию значения этого глагола: “If, / to its full power, / I used my vast voice (Блейк)”; “If I allow my vast voice”/ to rumble” (Кнеллер).

Образ кометы, заламывающей горящие руки, передан полным семантическим уподоблением у обоих переводчиков: (“the comets would wring their burning hands/and plunge headlong in anguish” (Блейк); “the comets, wringing their burning arms, would plunge in anguish” (Кнеллер). Глагол plunge передает резкое движение вниз, падение. Блейк добавляет уточнение «headlong» головой вниз/вперед. Словарная дефиниция лексемы «anguish» – “extreme unhappiness caused by physical or mental suffering” – в данном контексте соответствует значению лексемы «в тоске» оригинала.

Я бы глаз лучами грыз ночи –

о, если б был я

тусклый, как солнце!

Очень мне надо

сияньем моим поить

земли отощавшее лонце!

Начало данной строфы переведено почти дословно. Блейк следует синтаксису оригинала: “With my eyes’ rays I’d gnaw the night”, Кнеллер производит синтаксическую трансформацию: “I would gnaw the nights with the rays of eyes”.

В строке «о, если б был я / тусклый, как солнце!» А. Кнеллер добавляет “I’d shine”: “if I were as dim as the sun, / I’d shine!”, что является некоторым искажением смысла, так как противоречит следующей строке «Очень мне надо, / сияньем моим поить / земли отощавшее лонце!». В переводе этой строки оба переводчика заменили глагол «поить» на «feed», такая замена не имеет существенной разницы и не искажает смысл оригинала. При переводе «земли отощавшее лонце» Блейк использует семантическую замену «lean lap!»: “Why should I want/to feed with my radiance / the earth’s lean lap!”, Кнеллер перевел как «the earth’s scrawny bosom», где «scrawny» – “unpleasantly thin, often with bones showing”, т.е. тощий, костлявый, что эмоционально и семантически эквивалентно передает идею оригинала.

Пройду,
любовищу мою волоча.
В какой ночи
бредовой,
недужной
какими Голиафами я зачат –
такой большой
и такой ненужный?

Интересен перевод строки «Пройду, любвищу мою волоча». Авторский неологизм «любовище» также представляет сложность для перевода на английский язык, так как в английском языке не развиты формы как диминутивов, так и преувеличений. Оба переводчика прибегли к метафоре, создав образ любви как огромного бремени, тяжелой ноши: “I shall go by, dragging my burden of love” (Блейк) и “I shall go on, dragging behind me my love’s huge clod” (Кнеллер). Последняя строка «В какой ночи / бредовой, / недужной / какими Голиафами я зачат – / такой большой /

и такой ненужный? У Блейк мы наблюдаем полное семантическое уподобление: “In what delirious / and ailing / night, / was I sired by Goliaths – / I, so large, / so unwanted?”». В финальной фразе “I, so large, / so unwanted?” переводчик использует пунктуацию для интонационного оформления высказывания.

В переводе Кнеллера эпитет «remarkable» можно рассматривать как некоторую вольность и «haunted» в дополнение к «delirious, feverish» кажется несколько избыточным: “In that remarkable night, – / delirious, / feverish and haunted, – / by what Goliaths was I begot, / so enormous / and so unwanted?”

Заключение.

В данной статье был проанализирован перевод высокохудожественного, поэтического произведения. Как отмечал Комиссаров В.Н., в этом виде перевода основная задача – «передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода. Ради достижения этой главной цели переводчик более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста» [2, с. 104]. Известно, что перевод поэтических произведений на языке перевода должен звучать как оригинальное произведение, т.е. читатель не должен чувствовать, что это перевод. Перевод должен стать полноценной заменой оригинала, исходного текста. По переводу будут судить об оригинале, оценивать его язык и стиль.

Разница системы и структуры двух языков диктует необходимость широкого использования лексико-семантических, синтаксических, грамматических трансформаций, приемы конкретизации, генерализации, смысловое развитие. В ряде случаев использовался прием экспликации, например, при переводе глагола «выреву», или при переводе лексемы «любовнице» пришлось ввести метафору, для более точной передачи идеи и главное, эмоции автора.

Как показывает анализ, авторы переводов используют переводческие трансформации на всех уровнях языка: на уровне лексики, синтаксиса, грамматики, что позволяет создать близкий к оригиналу «репрезентант» произведения.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык / Л.С. Бархударов // Тетради переводчика. – 1984. – №21. – С. 38–48.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 424 с.
3. Vladimir Mayakovsky Poems [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruverses.com/vladimir-mayakovsky/> (дата обращения: 07. 03.2024)